

ОБАЯНИЕ ТАЙНЫ
ПРОЗА АРТУРО ПЕРЕСА-РЕВЕРТЕ

Читайте в серии:

ФЛАМАНДСКАЯ ДОСКА

ТАНГО СТАРОЙ ГВАРДИИ

ОСАДА, ИЛИ ШАХМАТЫ СО СМЕРТЬЮ

МОСТ УБИЙЦ

КОРСАРЫ ЛЕВАНТА

КЛУБ ДЮМА, ИЛИ ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

КОЖА ДЛЯ БАРАБАНА, ИЛИ СЕВИЛЬСКОЕ ПРИЧАСТИЕ

КАРТА НЕБЕСНОЙ СФЕРЫ, ИЛИ ТАЙНЫЙ МЕРИДИАН

ТЕРПЕЛИВЫЙ СНАЙПЕР

КОРАБЛИ НА СУШЕ НЕ ЖИВУТ

Артуро Перес Реверте

КОРАБЛИ НА СУШЕ
НЕ ЖИВУТ

Москва
2016

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

П27

Arturo Pérez-Reverte

LOS BARCOS SE PIERDEN EN TIERRA

Copyright © 2011, Arturo Pérez-Reverte

Фото автора © Photo by Victoria Iglesias, 2013

Перевод с испанского *Александра Богдановского*

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Перес-Реверте, Артуро.

П27

Корабли на суше не живут / Артуро Перес-Реверте ; [пер. с исп. А. С. Богдановского]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с. — (Обаяние тайны. Проза Артуро Переса-Реверте).

ISBN 978-5-699-90672-7

Артуро Перес-Реверте доверил бумаге опыт, страдания и сомнения тех, кто рискнул бросить вызов стихии, чтобы ощутить холодное дыхание ветра и ярость хлещущих волн.

«Корабли на суше не живут» – блестящий сборник рассказов о благородных пиратах, отчаянных героях и дерзких юношах, отправившихся навстречу опасному путешествию. О радости, что дарит искателям приключений море, и гордости за флотилии, победившие в неравной борьбе со стихией. О людях, для которых твердая земля никогда не станет родной. И о героях, которые, как и их корабли, на суше не живут.

УДК 821.134.2-312.4

ББК 84(4Исп)-44

© Богдановский А., перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-90672-7

*Пако Санчесу Фариньясу
за осъществившиися моря,
а также Хесусу Бельмару*

1994

ПАКО-МОРЕХОД

Он не знает, кто такой Джозеф Конрад, и провалиться ему на этом самом месте, если его это хоть немного интересует. Служил в торговом флоте, а еще раньше — горнистом на крейсере «Адмирал Сервёра», то есть во времена, когда команды подавались сигналами горна, иными словами — когда наш генералиссимус еще ходил в капралах. Не так давно бросил курить, а потому немного огузнул, но сохраняет прежнюю статью и осанку, хотя ему уже за семьдесят. Выдубленное солнцем и ветром лицо, густые седые кудри, голубые глаза. Еще десять лет назад иностранки, которых он катал по акватории картагенского порта, млели, когда в уютном кольце его рук им дозволялось взяться за штурвал. Очень такой мужчинистый был мужчина.

По утрам можно видеть, как этот честный морской наемник, подкрепившись в

какой-нибудь портовой забегаловке, ждет клиентов в своей старой, сто раз крашенной лодке, носящей его собственное имя, оно же имя его отца, — а клиентов нет. Помимо тех турий-гуристок — тьфу ты, наоборот, — которых Мореход, подсаживая на борт, хлопает по заду, он доставляет родственников новобранцев на церемонию принятия присяги, а на суда, бросившие якоря на рейде Эскомбрераса, — экипажи танкеров и американских матросов с разбитыми в припортовых притонах Молинете мордами (перепившие янки травят с подветренного борта), а кроме того, в штормовую погоду возит лоцманов. Он со своей посудиной видел все: и как не на шутку расходится море, когда осерчает Господь, и долгое, красное средиземноморское предвечерье, когда вода — как зеркало, и душу твою осеняет вселенский мир, и самого себя ощущаешь крошечной капелькой в вечном море.

Пако собирается на покой, но сейчас вместе с товарищами по веслу и парусу ведет путаную тяжбу с портовыми властями (а власти на то ведь и власти, чтобы ждать от них пакостей и напастей), намеревающимися перенести причал от внутренней гавани, где испокон века швартовали свои лодки, баркасы и катера и нынешние моряки, и

отцы их, и деды, куда-то в другое место. Несколько дней назад я выпивал с ними и хоть, как чаще всего это бывает, не вполне уразумел, у кого больше законных прав, однако сердцем и инстинктом принял сторону Пако и его коллег — людей, у которых руки жесткие и мозолистые, лица покрыты шрамами и морщинами, а глаза обожжены солью, людей искренних, достойных и твердых. Так что на юридические основания я, честно говоря, положил. Напиши что-нибудь, сказали они мне, проникшись доверием. Я дал слово, обменяв его на несколько стаканов, и вот теперь слово это держу, хоть разрази меня гром, если понимаю, что́ должен защищать и отстаивать.

Так или иначе, ему, Пако-Мореходу, я обязан этой страницей. Рядом с ним за почти тридцать лет я набрался чертовой уймы сведений о людях, о море и о жизни. Однажды во время шторма, серого и убийственного шторма из тех, что время от времени налетают откуда ни возьмись на *Mare Nostrum* — наше с Пако море, — я сидел на маяке Сан-Педро с ним и с несколькими женщинами в черном и смотрел, как прыгают на пятиметровых волнах маленькие беспомощные рыбачьи лодки, пытаясь найти укрытие у волнореза. Мы издали следили, как эти крошечные

утлые скорлупки снуют меж громадами валов в хлопьях пены, едва-едва, на пределе своих слабосильных моторов подвигаясь вперед. Одной лодки недосчитались, а когда погибает рыбац, это значит, что с ним вместе сгнули в пучине сын, муж, брат, зять, деверь. И потому женщины в трауре и дети молча вглядывались в даль, пытаясь определить, кого именно не хватает. И сидевший рядом Мореход с окурком в углу рта покосился на них и, стараясь, чтобы вышло не напоказ, почти смущенно стянул с головы шапку. Из уважения к их горю.

Другое мое воспоминание о Пако связано с Кладбищем Безымянных Кораблей. Однажды он отвез меня на своем катерке к тому месту, где старые корабли, совершившие свой последний переход, лишенные имени и флага, разрезают на куски и продают как металлолом. Там, где в разоре и запустении громоздились ржавые листы обшивки, части надстроек, навсегда погасшие трубы и, словно мертвые киты, выброшенные на берег, высились остовы судов, Пако дал мне первую в жизни сигарету и поднес огоньку от латунной зажигалки, пахнувшей сгоревшим фитилем. Потом закурил сам и, сощурился, с печалью оглядел мертвые корабли.

— Куда лучше потонуть в открытом море, — покачив головой, сказал он чуть погодя. — Дай бог, чтоб нас с тобой, малец, не сдали в утиль.

ЧУДО-ОСТРОВ

Было это недели три назад, в одно из тех воскресений, когда средиземноморские прибрежные воды заполняются судами, а эфир (9-й канал УКВ) — разноголосым моряцким гомоном и щебетом, по накалу чувств не уступающим какому-нибудь трогательному сериалу: «Говорит яхта «Мари-пили», прием... только что обогнули мыс Нао... Мариано, как насчет Ибицы... остров Пердигера прошу на связь... зарезервируйте мне столик на четверых... остался без горячего, мэйдей, мэйдей...¹ терплю бедствие... прошу помощи... теща и детишки травят с наветренного борта... судовая аптечка не справляется...»

¹ *Mayday* — международный сигнал бедствия в радиотелефонной (голосовой) связи, аналогичный сигналу SOS в радиотелеграфной связи. Фраза представляет собой приблизительную английскую транскрипцию французского *m'aidez* — сокращенный вариант фразы *venez m'aider* («помогите мне»). — Здесь и далее прим. переводчика.

Так вот, говорю, было одно из таких воскресений — и задувал восточный *левантинец*, и сколько-то там корабликов искали приют у некоего островка. А на островке том располагалась какая-то база, и полдесятка совершенно ошалевших от скуки матросов рассматривали в бинокли купающих с яхт. Нет, ты глянь-ка на ту, в лилово-розовом бикини. А та и вовсе загорает топлесс. Эх, что за гадская жизнь... Сидишь тут, родину защищаешь и потому вдуть можешь только Клаудии Шиффер — и то не раньше, чем ефрейтор ее обслужит и вернет журнальчик «Интервью»... Опротивела мне эта Клаудия Шиффер, а служить еще восемь месяцев. Занавес.

Но к делу. А дело в том, что вот одно из таких воскресений, и вот один из таких островков, и вот одно из таких суденышек, маленькая яхта, имея на борту толстую даму, ее благоверного и трех-четырех детишек, подобралась слишком близко к берегу. Все семейство нежится на палубе, и тут происходит неожиданное явление серой моторной лодки типа «зодиак», а на ней двое: один в морской форме, а второй в рубашке-поло и в бермудах. Чин его определить, стало быть, невозможно, но если судить по седине и по тому, с какими властными ухватками он лично отдает приказы экипажу яхточки, — где-

то от капитана первого ранга и выше. Самое малое. Уверенность мою подкрепляет и то обстоятельство, что у самого берега стоит на якоре другая и явно принадлежащая ему яхта, а пассажиры ее вольготно раскинулись на пляже. А право греть пузо на песочке и полоскаться в воде, которые принадлежат военно-морским силам Испании, даруется лишь тем, у кого на обшлагах много золота.

Ну, короче. Этот, который в бермудах, разевает хлебало по адресу загорающего экипажа яхтенки и требует, чтобы они убрались отсюда сию же минуту. А дабы окончательно уяснили, кому принадлежат, а кому не принадлежат эти райские кущи, совершает чрезвычайно мужественный и воинственный маневр, задирая нос своего «зодиака» и проносясь в туче брызг и пены мимо всех тех — нас то есть, — кто с большего или меньшего расстояния наблюдает за этой сценой. После чего с лихим разворотом уносится наслаждаться жизнью на своем личном острове.

Ну, что мне вам сказать? Может быть, подобное происшествие и не заслуживало столь детального описания. Но этот вот финальный ревущий аккорд, этот прощальный фортель, которым хмырь в бермудах позволил нам полюбоваться бесплатно, в буквальном смысле слова пустив по ветру во-

семьсот тыщ литров казенного бензина для того лишь, чтобы продемонстрировать свою власть, — все это достало меня до самого нутра. И бесконечно жаль, что на яхтенке не оказалось людей поновористей или погорластей тех, кто поспешил исполнить категорическое требование. Давайте в таком случае вообразим себе возможный диалог. Приказываю уматывать отсюда живо. А ты кто такой, чтоб нам приказывать. Я — коммодор¹ Мартинес де Ухо-и-Рыло. Вот бы не подумал, что коммодоры ходят в таком виде. Требую уважения к военно-морскому флоту. А где тут военно-морской флот, скажи на милость, я вижу всего лишь какого-то хмыря в рубашонке «лакоста» и штанцах до колен. Ну и так далее, в том же роде.

Вышеподписавшемуся кажется, что было бы очень уместно запретить яхтсменам загаживать пустыми жестянками и прочим мусором акваторию и острова, вверенные попечению военно-морского флота. Также мне совершенно безразлично, будут ли скитальцы морей, или сухопутные крысы, или какие угодно представители вооруженных сил пользоваться определенными привиле-

¹ К о м м о д о р — воинское звание в ряде иностранных ВМС, предшествующее званию контр-адмирала.

гиями — в воскресенье, например, возить все семейство в конноспортивный клуб или на пляж, предназначенный лишь для командного и начальствующего состава. В обмен на это мы вправе потребовать, чтобы в случае войны они дали изрубить себя в мелкие кусочки и не вздумали увильнуть от этой славной доли. Потому что военные и существуют, чтобы защищать тех, кто платит им жалованье, чтобы выкрасить каску в голубой цвет, помогая бедолагам в Боснии, чтобы охранять испанских макреле- или тунцеловов — пусть они такие же хищники и грабители, как английские или французские рыбаки, но это, как ни крути, свои, *наши* браконьеры — или чтобы сморгнуть слезу, когда в результате ставшего уже привычным мошенничества спускается наш флаг над Сеутой или Мелильей. Так что по мне — если уж пришла охота купаться, пусть себе купаются, где их душе угодно. Не в купании дело, а в том, что в наши суровые времена я предпочитаю, чтобы флотское фанфаронство обходилось нам подешевле. Такие вот, знаете ли, бывают странные вкусы. Да, и, пожалуйста, устраивая представление, не забывайте представляться, сообщая свое имя, фамилию, должность и звание. И быть по такому случаю при штанах.